

УДК 821.112.2

ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПЕРЕВОДАХ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

канд. филол. наук **Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ**
(Полоцкий государственный университет)
k.lushneuskaya@psu.by

В статье анализируются известные переводы «Песни о Нибелунгах» на русский язык, выполненные М.И. Кудряшевым и Ю.Б. Корнеевым. Перевод средневерхненемецкого эпоса – задача сложная. С одной стороны, необходимо сохранить поэтическую форму, с другой стороны, передать содержание, учитывая специфику средневекового сознания. Особое внимание уделяется таким понятиям, как *êre* (честь), *triuwe* (верность), а также *muote* (образ мыслей, состояние души, поведение). Проблема перевода заключается в том, что основные понятия средневековой культуры на языке оригинала очень емкие, в отличие от их русских эквивалентов, и не имеют прямых аналогов в современной культуре.

Ключевые слова: эпос, перевод, средневековое сознание, честь, верность, образ мыслей.

Введение. «Песнь о Нибелунгах» (*Der Nibelunge Nôt*¹, конец XII – начало XIII вв.) представлена 68 переводами на новонаемецкий язык, среди которых достойны упоминания переводы К. Зимрока (1827), К. Барча (1880), З. Гроссе (1997), Й. Хайнцле (2013). Первый перевод на русский язык был сделан М.И. Кудряшевым в 1889 г. [2], а в 1972 г. был издан перевод Ю.Б. Корнеева [3]. В 1976 г. А.Я. Гуревич публикует обширную статью, в которой детально анализирует вышеназванные издания [4]. В данной статье ученый приводит аргументы в пользу более раннего перевода «Песни о Нибелунгах», который выполнен «строчка в строчку», «не изменяя размера оригинала» [2, с. 23]. Переводчики народного эпоса стоят перед непростой задачей – сохранить поэтическую форму, не исказив при этом смысл. Нередко, соблюдая размер, они пренебрегают содержанием, осовременивая при этом типичные для далекой эпохи понятия. Описываемые в эпосе образ жизни, правила придворного церемониала, как правило, непонятны современной аудитории, что делает актуальной проблему точного перевода средневерхненемецкого текста. При этом, перенося читателя на столетия назад, следует учитывать специфику средневекового сознания.

Основная часть. Главные ценности западноевропейской средневековой культуры связаны с такими понятиями, как *êre* (честь), *triuwe* (верность), а также *muote* (образ мыслей, состояние души, поведение). Следует отметить, что на языке оригинала эти понятия очень емкие в отличие от их русских эквивалентов.

Центральное место в эпосе занимает понятие чести. Основная сложность перевода состоит в синтезе эпох, характерном для «Песни о Нибелунгах». Архаические представления о чести перенесены автором «Песни» в современную ему эпоху конца XII – начала XIII вв. Например, в описании процедуры приема гостей, мы встречаем древнегерманское понятие *êre* в значении «почтения»: «Mit zorne sprach dô Gîselher, / der schoenen Uoten sun: // “wir suln doch niht alle / meinlîchen tuon. // swaz *êren*² ir geschæhe, / vrô sollten wir des sîn. // swaz ir geredet, Hagene, / ich dien’ ir durch die triuwe“» (1213) [5, S. 366] – «Коль ждет *почетъ* сестрицу, / должны мы рады быть. // Что мнѣ ни говорите, / я буду вѣрно ей служить» [2, с. 287]. Переводчик позволяет себе использовать такие производные слова «честь», как «почет», «быть почтенным». В немецком варианте словосочетание *êren geschehen* могло бы переводиться как «оказывать честь». Автор сужает значение понятия до «почета» или «почести», что также не соответствует общему тону повествования, однако придает немного иное значение понятию. Интересно отметить, что оно соответствует духу рыцарской культуры времени ее расцвета, когда честь наделяется дополнительными характеристиками, связанными с придворным образом жизни.

В описании приема Кримхильды при дворе гуннов также используется словосочетание *êren geschehen*, что отсылает нас к рыцарскому этикету: «Wie si ze Rîne sæze, / si gedâht’ ane daz, // bî ir edelen manne; / i rougen wurden naz. // si hetes vaste hæle, / deiz iemen kunde sehen. // ir was nâch manigem leide / sô vil der *êren geschehen*» (1371) [5, S. 414] – «Но вспомнила Кримхильда / свое житье-бытье // На Рейнѣ съ милымъ;

¹ В статье цитаты приводятся из рукописи В, последняя строка которой заканчивается словами *der Nibelunge nôt*. Постепенно существительные с патронимическим суффиксом *-inga / -unga*, обозначающим ‘происхождение или принадлежность к чему-либо’ (названия династий, родовые имена) [1, с. 119], переходят в слабый тип склонения, и название эпоса приобретает форму *der Nibelungen Nôt* и, соответственно, *der Nibelungen Lied* (в новонаемецком языке *das Nibelungenlied*).

² Здесь и далее выделения курсивом в цитатах из «Песни о Нибелунгах» сделаны автором статьи. – Е.Л.

стали / мокры глаза ея. // Съ большимъ трудомъ съумѣла / скрыть грусть отъ всѣхъ она. // Как, послѣ бѣды столь многихъ, / была она тутъ почтена!» [2, с. 306]. Речь идет о пире, щедрых дарах, ларцах с серебром и золотом, которые щедро раздаривали гунны в честь приезда Кримхильды.

В рамках рыцарской культуры «почет» и «почести» имеют, помимо нравственного, и материальное измерение. В раздаче даров усматривается отсылка к древним обычаям. Богатство приносило славу и укрепляло мощь владыки. Дар значил многое: подчинение, закуп или откуп, удачу или невезение (в случае неудачливого правителя). Даже в оказании должного гостеприимства слышны отголоски древнегерманской культуры. Раздача богатых даров была обязанностью короля. Однако нередко придворный жест гостеприимства и связанная с ним процедура одаривания подразумевали приобретение славы.

Иногда переводчик злоупотребляет понятием «честь», упрощая и без того небогатый язык эпоса. Например, словом «честь» заменяется словосочетание «радость и/или благосклонность» (*«liep unde guot»*)³: «Dô sprach der künic rîche, / (getriuwe was sîn mout): // “ich bringe iuch des wol innen, / swâ liep unde guot // den recken widerfûere, / des müesse ich freude hân, // wande ich von wîbes minne / nie bezzer vriunde gewan.”» [5, S. 424]. У М.И. Кудряшева вместо благосклонности речь идет о чести, понятии более емком и содержательном: «Сказаль король богатый / (быль онъ душою прямъ): // “Всѣ сдѣлаю для васъ я, / что дѣлають бойцамъ, // Честь имъ воздать желая. / Ужъ какъ я радъ, что мнѣ // Пришлось друзей отмѣнныхъ / обрѣсть черезъ любовь къ жѣне”» (1402) [2, с. 310]. Слово «благосклонность» в данном контексте более приемлемо, если обратиться к историческим сведениям. Гунны и бургунды были противниками, поэтому Этцелю (Аттиле) действительно могло стоить усилий проявление к своим врагам благосклонности, но никак ни чести. Ю.Б. Корнеев допускает еще большую неточность, переводя *liep unde guot* как «дружба»: «Ответил Этцель сразу – он не умел хитрить: / “Готов желанье ваше я удовлетворить / И вашим славным братьям на деле доказать, / Какую дружбу ради вас питает к ним их зять”» [3, с. 193]. О том, что в угоду рифме этот переводчик пренебрегал содержанием, уже писали медиевисты. В оригинале нет речи о дружбе между королями. Бургундов и гуннов по большей части вообще ничего не связывает, кроме Кримхильды, они вынуждены пребывать в состоянии «худого мира». Хотел ли переводчик подчеркнуть некоторые опасения Этцеля, ожидающего гостей, неизвестно. Но вот использование понятия «честь» кажется умышленно введенным в строфу. Переводчик словно намеренно отсылает нас к придворному этосу, согласно которому оказывающий честь король обладает особым положением. Такой вольный перевод отражает заведомое злоупотребление знанием контекста эпохи. В оригинальном тексте о чести речь не идет.

На страницах эпоса находит отражение и истинное значение «чести», уходящее корнями в раннее средневековье: *êre* как *ruhm*⁴ (слава): «dô sprungen zuo ein ander / die êre gernde man. // ir ietweder schermen / für starke wunden began» (2218) [5, S. 666]. Кудряшев переводит строфу дословно: «Они схватились, *чести* / тотъ и другой искаль; // Обороняться каждый / изъ нихъ отъ ранъ могучихъ сталь [2, с. 416]. Ю.Б. Корнеев использует понятие «слава»: «И все ж, до *славы* жадны, они вступили в бой, / Щиты свои надежные держа перед собой» [3, с. 296]. В данной строфе честь и слава – понятия взаимосвязанные и взаимозависимые. Для многих воинов поиск славы – это главное предназначение героя, а быть воспетым в песнях за свои подвиги – особая честь.

Нередко автором эпоса используются понятия чести и верности (*getriuwe*⁵) как неотделимые части единого целого: «“wir suln ir sîn getriuwe, / daz ist zen êren uns gewant.”» (1211, 4) [5, S. 366] – «Для насъ же *чести* больше / къ сестрицѣ *вѣрность* соблюдать» [2, с. 286]. У Ю.Б. Корнеева сохранено понятие «честь», но понятие верности вовсе исчезает, и переводчик даже не намекает на «справедливость» или «истинные намерения» королей. Переводчик пишет об опасении Хагена, желающего предотвратить опасный союз Этцеля и Кримхильды. На что братья-короли ему возражают: «“Нет, *честь* не позволяет нам расстроить брак такой”» [3, с. 168]. Здесь переводчик опускает понятие «верности», исходя из известного факта предательства братьями Кримхильды. Однажды они позволили нарушить клятву и убить ее супруга Зигфрида.

Понятие *triuwe* вводится автором для изображения внутренних переживаний героев: «“wie sihe ich friunde mîne / under helme gân? // mir ist leit ûf mîne triuwe, / und hât in iemen iht getân”» (1861, 3–4) [5, S. 560]. При переводе данной строфы М.И. Кудряшев использует слово «больно», описывая сильные эмоции короля: «“Зачемъ въ шеломахъ / вижу я здѣсь друзей моихъ? // Клянусь: *мнѣ больно*, если / здѣсь кто-нибудь обидѣль ихъ”» [2, с. 370]. У Ю.Б. Корнеева читаем: «“Зачем в кольчугах пришли мои друзья? Коль им *обиду* нанесли,

³ Словарь средневерхненемецкого языка *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch* в редакции 1969 г. дает следующие толкование данных слов: «*liep* = lieb, angenehm, erfreulich [6, S. 127]; *guot* = tüchtig, brav, gut, von gutem stande, vornehm; freundlich, gnädig» [6, S. 78]. Из чего можно сделать вывод, что в значении своем понятия тождественны друг другу. Следовательно, не было бы ошибкой использовать в переводе лишь одно слово, например, «благосклонность». Тем более, что далее в тексте оригинала, как и в переводе описывается состояние души короля в виде «радости».

⁴ *Êre* = ehrenbietung, verehrung; preis, zierde; verehrtheit, ansehen, ruhm [6, S. 44].

⁵ *Getriuwe* = treu, getreu, wohlgemeinend; *triuwe* = wohlmeinenheit, aufrichtigkeit, zuverlässigkeit, treue» [6, S. 68], в переводе на нововверхненемецкий «верность», «справедливость», «надежность».

ее заглажу я» [3, с. 251]. Переводчик передает состояние души короля вопросом и намерением «загладить обиду», что вряд ли может передать всю боль и негодование, испытываемые королем при виде вооруженных гостей. Древнегерманские обычаи не предусматривают такое разрешение конфликта. В средневековом обществе загладить обиду невозможно, это словосочетание заимствовано переводчиком из современного ему мира. Оскорбление чести рыцаря может повлечь за собой более серьезные последствия, вплоть даже до кровопролития. Именно такой исход предполагает появление гостей в броне и с оружием.

В противопоставление понятию *triuwe* (верность/верный или честность/честный) поступки героев называются автором *untriuwe*⁶ (нечестный, несправедливый). Таким он видит поведение Гунтера, вступившего в заговор с Хагеном: «die starken *untriuwe* / begonden tragen an, / ê iemen daz erfunde, / die ritter ûz erkorn» [5, S. 266] – «И Гагена послушалъ / король себѣ во вредь. // Задумали исполнить / *несправедный советъ*» (876,2–3) [2, с. 243]. Короли поступают не по чести, несправедливо по отношению к побратиму, согласившись на его убийство. Ю.Б. Корнеев называет такой поступок «низостью», придавая тем самым данному поступку еще бóльшую негативную коннотацию: «Так короля на *низость* сумел вассал подбить / И Зигфрида бургунды решили погубить» [3, с. 126]. Несмотря на то, что переводчик позволил себе вольность, он снова будто опережает ход повествования. В тексте оригинала немногим позже мы встречаем, что эта несправедливость переходит все границы: «sus grôzer *untriuwe* / solde nimmer man gepflegen» (915,4) [5, S. 278]. М.И. Кудряшев переводит данную строфу так: «Никто такой *измѣны* / не могъ доселѣ совершить» [2, с. 248]. Ю.Б. Корнеев также близок к оригиналу и называет поступок королей «предательством»: «Спокон веков не видел мир *предательства* такого!» [3, с. 131]. Измена, обман, предательство – это те понятия, которые часто вводятся в эпос наряду с честью.

Под видом исполнения вассального долга Хаген выведывает тайну Зигфрида у Кримхильды, чем обрекает ее на угрызения совести. В словах Кримхильды слышится страх: «“Ich fürhte harte sêre / etelîchen rât, // ob man der deheinem / *missediene*t hât, // die uns gefüegen kunnen / vîentlîchen haz. // belîbet, lieber herre: / mit triuwen rât’ ich iu daz.“» (922) [5, S. 280] – «Я чьей-нибудь *измѣны* / страшуся всей душой: // Быть можетъ, кто обиженъ / былъ вами или мной, // Одинъ изъ тѣхъ, что могутъ / намъ слѣзать много бѣдъ. // Мой господинъ, останьтесъ / со мной: вотъ добрый мой советъ» (922) [2, с. 249]. Слишком вольно поступает Ю.Б. Корнеев, переведя *missediene*t как «недруг»: «“Рыдаю я от страха – мне кажется, что здесь / Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть. / Он нам из мести может наделать много бед. / Останься и не уезжай – вот мой тебе совет”» [3, с. 132]. Обратимся к значению слова *missediene*n⁷, используемого как «сослужить плохую службу», «обидеть». В переводе они перенесены на человека («недруг»). Следовательно, можно предположить, что Ю.Б. Корнеев отождествляет вышеназванные понятия с недружелюбием. Подобная подмена понятий уже встречалась в переводе эпоса. Тогда речь шла о замене «благосклонности» («*liep unde guot*») понятием дружбы. Дружба в средневековом миропонимании также требует уточнений. На страницах эпоса мы имеем дело с побратимством, заключенным, например, между бургундами и Зигфридом. И в данном отношении нарушение клятвы побратима не что иное, как предательство, а не обида или плохая служба. Хаген стремится показывать себя верным вассалом, хорошо исполняющим свою службу. На самом деле мотивы его действий имеют более сложную природу, но в данном эпизоде он всем своим видом старается произвести впечатление именно верного вассала, желающего «услужить».

В общем можно утверждать, что русскоязычное понятие «измена» передает как минимум два понятия из средневерхненемецкого языка: *untriuwe* (низость и предательство) и *missediene*n (сослужить плохую службу, обидеть, предать). Здесь очевидно злоупотребление понятием «измена», что также доказывает несовершенство обоих переводов.

Описывая свое отношение к происходящему, внутреннее состояние героев, повествователь употребляет понятие *muote*⁸. Например, тайно беседуя с посланцами к бургундам, Кримхильда испытывает душевное состояние, называемое «*betrüebet mînen muot*», переведенное обоими переводчиками как «грусть». Особенностью понятия *muote* является его способность сочетаться с другими словами, приобретая при этом различные оттенки значения. Среди прочих следует назвать такие как «сила мысли», «состояние души». Например, такие утешительные слова Зигфрид произносит бургундскому королю перед боем с саксами: „Daz lât iuch ahten ringe“, / sprach dô Sîvrit, // „unt *senftet* iuwerem *muote*“ (159, 1–2) [5, S. 54] – «Не бойтесъ», молвил Зигфрид / на это королю: // «*Душой* спокойны будьте» [2, с. 159]. Ю.Б. Корнеев преувеличивает эмоциональное состояние героев: «*Тревогой не терзайтесъ* при мысли о войне» [3, с. 35]. По сути в оригинале кроме душевного спокойствия ничего более не упоминается. Однако здесь следует отметить желание переводчика усилить инертность короля. Иначе характеризуются воины: «er wære

⁶ Untriuwe = treulosigkeit, betrug [6, S. 256], то есть «неверность» и «обман».

⁷ Missediene = einen schlechten dienst leisten, beleidigen [6, S. 141].

⁸ Muote = muot, kraft des denkens, empfindens, wollens, sinn, seele, geist; gemüt, gemütszustand, stimmung, gesinnung [6, S. 146].

in swachem muote, / *der ir deheiner wære gram*) (574, 4) [5, S. 176] – «И былъ бы *глупъ* тотъ витязь, / кто-бъ дѣвъ такихъ не полюбилъ» [2, с. 207]. Словосочетание «*in swachem muote*»⁹ М.И. Кудряшев переводит как «глупость». Похожее встречаем у Ю.Б. Корнеева: «Что мог лишь тот, кто очень *глуп*, быть равнодушен к ним» [3, с. 87]. Хотя вернее было бы использовать словосочетание «небольшого ума», говоря о витязях, не обративших внимание на красоту девушек в дорогих нарядах. В данной строфе выражение используется как допущение и не несет негативной окраски. Несколько раз в тексте оригинала встречается словосочетание «*mit / in grimmigem muote*», а также «*in zornes muote*», переводимое как состояние злости: «в гневе», «в ярости»: «*Mit grimmigem muote / dâ stuondn friwende sîn*» (116, 1) [5, S. 40] («взялъ *гнѣвъ* друзей Гернота» [2, с. 154]) или «*in einem grimmet muote / si zuo den helden sprach*» (1767, 2) [5, S. 532] («пришла царица *в гнѣвъ* и къ витязямъ / рѣчь снова повела» [2, с. 356]). Подобным образом переводит строфы и Ю.Б. Корнеев: «Своим ответом Гернот друзей *разгневал* так» [3, с. 29], или во втором случае «Но взор остановила Кримхильда на бойцах / И, видя, как их мало, воскликнула *в сердцах*» [3, с. 239]. Перевод Ю.Б. Корнеева отличается использованием синонимичных рядов, что характерно и для названного выше примера. Выражения «в сердцах» и «в порыве гнева» очень близки, но все же перевод М.И. Кудряшева ближе к оригиналу. Ю.Б. Корнеев выбрал данное выражение ради благозвучия рифмы. Состояние гнева описывается автором эпоса с помощью понятия *ungemuote*¹⁰. Вспомним сцену спора Кримхильды с Хагеном: „*des wart in ungemüete / der Kriemhilde lîp*“ (2024, 2) [5, S. 608] – «Была Кримхильда речью такой *раздражена*» [2, с. 390]. Ю.Б. Корнеев считает необходимым усилить накал страстей и переводит это место следующим образом: «*Задели* королеву поносные слова, / И слезы удержала она едва-едва» [3, с. 272]. Следовательно, не менее емкое по сравнению с честью понятие образа мыслей является непростым для перевода на русский язык.

В Средние века, в эпоху расцвета рыцарской культуры с понятием *muote* связаны и крайние степени его выражения: *hochmut* как благородство или благородный образ мыслей и *übermut* как высокомерие, гордость. Вспомним сцену приезда бургундов к гуннам. Кримхильда требует сдать оружие, но Хаген игнорирует правила. Такое поведение Хагена автор называет «высокомерным». Тогда Кримхильда, пренебрегая этикетом, первым приветствует младшего брата Гизельхера, тем самым демонстрируя непримиримость. Все то, что выходило за рамки рыцарского Средневековья и по большей части характеризовало древних героев, автор определяет понятием *übermüete*¹¹ (высокомерие). Как правило, таким нравом наделяются воины: *die übermüeten helde* («надменные мужи»); *sô übermüeten* («всегда так *горд*»); *die übermüeten degene* («*гордые* бойцы»). Высокомерно поступает Зигфрид, вызывающий Гунтера на бой (117,4), такого же мнения Зигфрид о своенравной Брюнхильде (340,3; 444,4; 446,4). Именно из-за высокомерия Хагена отец Зигфрида предостерегает сына от поездки в Вормс (54,2). Как «высокомерие» характеризует автор жестокость Хагена, когда тот приказывает оставить труп Зигфрида у светлицы бедной Кримхильды (1003,1). И даже молчание гуннских воинов, по приказу Кримхильды скрывающих правду от Этцеля, названо *übermüete*: «*Swie grimme und swie starke / si in vîent wære, // het iemen gesaget Etzeln / diu rehten mære, // er het' wol untestanden, / daz doch sît dâ geschach. // durch ir vil starken übermuot / ir geheiner ims verjach*» [5, S. 560] – «Какъ ни была Кримхильда / *гнѣвна* и зла на нихъ, // Всѣ-жъ, расскажи кто Этцлю / всю правду въ этотъ мигъ, // Тому онъ помѣшалъ-бы, / что вышло послѣ тамъ; // Но *гордость* запрещала / всю правду рассказать бойцамъ» (1865) [2, с. 370]. Совершенно иное читаем в переводе Ю.Б. Корнеева: «Ведь если бы всю правду ее супруг проведал, / Раздору бы начаться державный Этцель не дал. // Вот почему смирила свой нрав его жена, / Хоть ненавистью к родичам была, как встарь, полна» [3, с. 251]. В данном случае говорить о смирении Кримхильды не приходится, стоит вспомнить ее гнев и ярость.

В противопоставление понятию *übermüete*, используемого для обозначения гордого и высокомерного нрава воинов, в эпосе встречается понятие *hochgemüete*¹², используемое для характеристики ключевых составляющих рыцарской культуры, и понимаемое как «стиль поведения знатного лица» или «благородный образ мыслей». По мнению А.Я. Гуревича, данное понятие использовалось для характеристики «аристократического образа жизни, внушающего окружающим почтение; умонастроения и нрава, присущих благородному» [4, с. 298]. В начальных авентюрах эпоса изображается процедура посвящения в рыцари, сопровождаемая бугурдами¹³: «Они къ коняамъ бѣжали, / осѣдланнѣмъ, гурьбой. // Тамъ, на дворѣ Сигмунда, / былъ данъ турнирь большой. // Отъ топота хоромы / дрожали и тряслись: // Такъ витязи *luxie* / забавой шумной увлеклись» (34) [2, с. 145]. Корнеев называет витязей «*отважными*». Важным в данном эпизоде является значение бугурдов в рыцарской культуре как неотъемлемой части не только турниров,

⁹ *swachemuot* = niedriger, schlechter gesinnung [6, S. 220].

¹⁰ *ungemüete* = missstimmung, missmut, aufgebrachtheit, verdross, zorn, kummer, betrübnis, leid [6, S. 251].

¹¹ *übermuot*, что в переводе со средневерхненемецкого (нем. *stolzer, hochfahrender sinn*) означает «надменный, заносчивый, вызывающий» [6, S. 238].

¹² *höchgemüete* = edle gesinnung; getroster, freudiger sinn, frohsinn; stolz, hochmut [6, S. 91].

¹³ Рыцарские поединки, в которых рыцари из двух команд пытаются сбросить друг друга с седла.

принятия рыцарского сана, но и приема гостей. Переводчики не были абсолютно точны в передаче понятия *hochgemüete*, поскольку оно довольно специфическое и в новонаемецком языке используется как синоним к *übermüete* (высокомерие).

Заключение. Таким образом, анализ важных для эпического сознания понятий позволяет погрузиться в средневековое мировоззрение. Перевод дает читателю возможность вступить в диалог с древней культурой. Но только детальная работа с оригинальным текстом способна показать во всей полноте образ мыслей средневековых героев, передать все оттенки смысла понятий рыцарской чести и верности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филичева, Н.И. История немецкого языка : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. факультетов вузов / Н.И. Филичева. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с.
2. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшева. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
3. Песнь о нибелунгах : Эпос / пер. со средневерхнем. Ю. Корнеева. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 384 с.
4. Гуревич, А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» / А.Я. Гуревич // Из истории культуры средних веков и Возрождения ; отв. ред. В.А. Карпушин. – М. : Наука, 1976. – С. 276–314.
5. Bartsch, K. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor. – Stuttgart : Philipp Reclam, 2003. – 1045 S.
6. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. – 33. Aufl. – Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1969. – 410 S.

Поступила 03.12.2020

WHAT IS LEFT OF THE MEDIEVAL WORLDVIEW IN THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE "NIBELUNGENLIED"

E. LUSHNEUSKAYA

*The article analyzes the well-known translations of the "Nibelungenlied" into Russian, made by M.I. Kudryashev and Y.B. Korneev. The translation of the Middle High German epic is a difficult task. On the one hand, it is necessary to preserve the poetic form, on the other hand, one should respect the sense, considering the specifics of medieval consciousness. Special attention is paid to such concepts as *êre* (honor), *triuwe* (loyalty), as well as *muote* (way of thinking, state of mind, behavior). The problem of translation lies in the fact that the basic concepts of medieval culture in the original language are very capacious, in contrast to their Russian equivalents, and have no direct analogs in modern culture.*

Keywords: *epos, translation, medieval consciousness, honor, loyalty, way of thinking.*